

Григорий Горин

Формула любви

ФТМ

Киноповести

Григорий Горин
Формула любви

«ФТМ»

1985

Горин Г. И.

Формула любви / Г. И. Горин — «ФТМ»,
1985 — (Киноповести)

Знаменитый авантюрист граф Калиостро в сопровождении своей весьма экстравагантной свиты прибывает в Россию. Удирая от гвардейцев Потемкина, вся эта развеселая компания застревает в российской глубинке...

© Горин Г. И., 1985

© ФТМ, 1985

Григорий Горин Формула любви

Удар барабана. Грохот погремущек. Звон колокольчиков...

Весело прыгает по дороге группа скоморохов.

Они задают ритм этой невероятной истории, случившейся лет триста назад.

Озорную пляску сменяет топот копыт. Это мчится по дорогам России карета. В ней восседает известный всей Европе маг и чародей граф Калиостро. Гордое, холодное, аскетическое лицо, большие пронизательные глаза. Рядом на сиденье – пышная блондинка по имени Лоренца. Напротив – слуга Маргадон, усталый мужчина неопределенного возраста, похожий на кота и мышь одновременно. На козлах – кучер Жакоб, долговязый детина с пышной, завитой крупными кольцами шевелюрой.

Вся эта странная компания без всякого интереса поглядывает на проносящиеся мимо поля, березы, церкви, покосившиеся деревенские избы... Еще одна незнакомая страна в длинном списке бесконечных странствий...

Вот на обочине дороги возникла экзотическая группа людей в шутовских колпаках. Гремят барабаны, звенят бубенцы. Скоморохи скачут, пытаясь привлечь внимание чужестранцев. Но некогда, господа! Не до вас!

Обдав скоморохов клубами пыли, карета скрылась за поворотом...

* * *

– О мама миа, коза дичи! Нон вольво! Э пойзо! Дьяболо! – Разгневанная Лоренца в ярости расхаживала по гостиничному номеру, швыряя на пол платья и костюмы.

За ней спокойно и чуть иронично наблюдали выразительные глаза Калиостро.

– Нет, нет, не понимаю, синьора! Вы приехали в Россию и извольте говорить по-русски!

– Я не есть это мочь! – в отчаянии закричала Лоренца. – Моя голова... ничт... не мочь это запимойнайт...

– Может! – спокойно сказал Калиостро. – Голова все может...

Камера отъехала, и теперь стала очевидна правильность этих слов: голова графа лежала на медном подносе, стоявшем на невысоком гостиничном столике.

– Русская речь не сложнее других, – продолжала голова, вращаясь на подносе, и вдруг, рванувшись, поднялась вверх и... обрела шею, туловище и ноги. – Маргадон, проверьте крепление зеркал... – Граф отделился от столика сел в кресло. – Стыдитесь, сударыня! Маргадон – совсем дикий человек – и то выучил...

– Пожалуйста! – Маргадон сделал легкий поклон и продекламировал: – «Учиться – всегда сгодится! Трудиться должна девица. Не плюй в колодец – пригодится»...

– Черт вас всех подрать! – огрызнулась Лоренца.

– Уже лучше! – одобрил Калиостро. – А говорите: не запомню. Теперь с самого начала...

Лоренца подошла к зеркалу, секунду смотрела с ненавистью на собственное отражение, потом по складам произнесла:

– Здрав-стфуй-те!

– Мягче, – попросил Калиостро, – напевней... Он сузил зрачки, словно гипнотизируя ее, заставляя подчиниться собственной воле.

Лицо Лоренцы преобразилось. Появилась приветливая улыбка.

– Добрый вечер, дамы и господа! – произнесла она ангельским голоском. – Итак, мы начинаем...

Зазвучала музыка, в зеркалах вспыхнули огненные языки свечей. Поплыли титры фильма...

Над большим хрустальным бокалом, в котором пенилась и переливалась радужными красками красноватая жидкость, появились две руки. Левая сняла с правой золотой перстень с крупным изумрудом, бросила в бокал. Перстень опустился на дно... Вокруг него забурило, запенилась жидкость, образуя целое облачко из пляшущих пузырьков, в котором перстень вдруг растворился без остатка...

Кто-то ахнул, на него зашикали. Наступила тишина. И в этой тишине четко и властно стал звучать мужской голос:

– Я, Джузеппе Калиостро, магистр и верховный иерарх сущего, взываю к силам бесплотным, к великим таинствам огня, воды и камня, для коих мир наш есть лишь игрище теней. Я отдаю их власти и заклинаю перенести мою бестелесную субстанцию из времени нынешнего в грядущее, дабы узрел я лики потомков, живущих много лет тому вперед...

Словно в подтверждение этих слов из облака дыма возникло лицо графа Калиостро.

– О, я вижу вас, населяющих грядущее бытие! – воскликнул Калиостро и приветливо улыбнулся. – Вас, наделенных мудростью и познаниями, обретших память прожитых веков, хочу вопрошать я о судьбах людей, собравшихся в Санкт-Петербурге, сего числа одна тысяча семьсот восьмидесятого года...

Несколько знатных особ обоего пола сидели вокруг стола и с затаенным дыханием следили за манипуляциями прославленного магистра. Тускло горели свечи. Тлели сандаловые палочки, распространяя оранжевый дым и благовоние. Калиостро стоял над огромным бокалом и напряженно вглядывался в красноватую жидкость, которая бурлила под действием тайных сил... У ног магистра на полу, скрестив по-турецки ноги, сидела Лоренца.

– Я вопрошаю вас... – повторил Калиостро. – Вопрошаю!.. Бокал качнулся и сделал несколько едва заметных перемещений по инкрустированной поверхности стола.

Снова кто-то восхищенно охнул.

Сморщенная старушенция в белоснежном парике и многочисленных украшениях, облепляющих ее морщинистую шею, вдруг сорвала с мочки уха изумрудную подвеску и, протянув ее Калиостро, прошептала:

– Спроси, граф, у судьбы! Спроси! Долго ль мне носить еще это осталось?!

Лоренца проворно вскочила, положила подвеску на ладонь и передала Калиостро. Тот равнодушным движением швырнул ее в бокал. Всплеск жидкости отозвался высоким музыкальным аккордом. Камни опустились на дно и... исчезли, смешавшись с облачком пузырьков.

Калиостро, не мигая, уставился на поверхность розоватой жидкости. На ней, как на экране, стали возникать отдельные светящиеся точки, которые понемногу собрались в единую римскую цифру XIX...

– Девятнадцать! – воскликнул кто-то.

И тут же кто-то прошептал:

– А как понять сие?

– Век грядущий, – нараспев произнес Калиостро. – Век девятнадцатый успокоит вас, сударыня.

Лицо старушки озарилось неподдельным восторгом:

– Ну, батюшка, утешил! Я-то помирить собралась, а мне вона сколько еще на роду написано. – Она засуетилась, лихорадочно сорвала вторую подвеску. – Спроси, милый, спроси... Может, замуж еще сходить напоследок?

Собравшиеся зашумели. Руки начали лихорадочно снимать с пальцев кольца, браслеты... Все это потянулось к Калиостро и его ассистентке.

– Спросите, граф... И про нас спросите!

– Мне сколько жить, граф?
– Имение продавать аль нет?
– Да погодите вы... с ерундой! – громыхнул какой-то генерал и, сорвав алмазный знак с груди, швырнул его Калиостро. – Про турок спроси! С турками война когда кончится?

Калиостро обвел всех невидящим взором, сделал шаг назад и... исчез в дыму...

Наступавшие на него гости вскрикнули и отпрянули назад.

– Переместился, – ахнула старушка и перекрестилась. – Как есть начисто!

– Я здесь! – неожиданно сказала Лоренца абсолютно мужским голосом. – Вопросайте! Вопросайте!

Она проворно вскочила, достала из-под себя серебряный поднос и протянула его гостям.

На поднос полетели драгоценности...

К особняку подъехала карета. Из нее вышли офицер и двое солдат.

Через секунду офицер уже стоял в нижнем вестибюле. Его встречал дворецкий.

– Доложи! – сухо сказал офицер. – От светлейшего князя Потемкина. Срочно!

На лестнице показалась хозяйка дома. Офицер отдал честь:

– Имею предписание задержать господина Калиостро и препроводить его в крепость для дачи объяснений!

– Это невозможно! – сказала хозяйка. – Граф в настоящий момент отсутствует.

– Велено живого или мертвого! – сухо объявил офицер.

– Но его и вправду нет! – сказала хозяйка. – Он... как бы это выразиться... Дематериализовался...

– Ах, каналья! – выругался офицер и решительно направился вверх по лестнице.

– Вы не смеете! – Хозяйка встала у него на пути. – Он в грядущем!

– Достанем из грядущего! – твердо ответил офицер. – Не впервой.

Весь этот разговор Калиостро слушал, стоя за портьерой.

Едва офицер, сопровождаемый возмущенной хозяйкой, скрылся наверху, Калиостро проскользнул по лестнице, открыл дверь в лакейскую.

Здесь шла карточная игра. Несколько лакеев сгрудились вокруг столика, сидя за которым метал банк слуга Калиостро, Маргадон. Свою игру он сопровождал приговорками и шутливыми замечаниями в адрес партнеров.

– Маргадон! – тихо сказал Калиостро. – Атанде!

– Слушаюсь! – откликнулся тот, после чего моментально выложил четыре туза и сгреб банк. – Все, братцы! Конец – всему делу молодец!

– Погодь! Погодь, любезнейший, – заволновались лакеи. – Откеда тузы? Тузы ушли!

– Тузы не уходят, – насмешливо произнес Маргадон. – Тузы удаляются.

Он швырнул колоду легким веером, и она, к общему изумлению, оказалась состоящей из одних тузов.

Калиостро усмехнулся и тихо дунул. Все свечи в лакейской в момент погасли.

Через мгновение Калиостро и Маргадон уже выбежали во двор к стоявшей карете. На козлах сидел Жакоб. Вид у него был достаточно аристократический: цилиндр, фрак, пенсне... В зубах он держал толстую сигару.

– Жакоб, гони! В гостиницу! Живо! – крикнул Калиостро, влезая вместе с Маргадоном в карету.

– Я вас понял, сэр! – невозмутимо произнес Жакоб. Сунул недокуренную сигару в карман, поправил пенсне и вдруг лихо, по-разбойничьи присвистнув, заорал: – Но!! Залетные!!!

Карета стремительно рванулась со двора, обдав пылью офицера и солдат, выбежавших из подъезда...

Карета неслась по сумеречным улицам Санкт-Петербурга.

Лицо Калиостро было спокойно, взгляд чуть отрешенный, задумчивый. Равнодушным движением он извлек из кармана горсть драгоценных перстней, протянул слуге.

Маргадон привычно ссыпал их, не считая, в деревянную шкатулку.

– Что у нас еще на сегодня? – спросил Калиостро. Маргадон достал записную книжечку, надел очки, стал зачитывать:

– «Визит к генералу Бибикову, беседа о магнетизме...» Калиостро поморщился: мол, пустое дело. Маргадон вычеркнул грифелем запись, продолжал:

– «Визит к камер-фрейлине Головиной с целью омоложения оной и превращения в девицу...»

Калиостро глянул на карманные часы:

– Не поспеваем!

Маргадон вычеркнул камер-фрейлину.

– У Волконских. «Варение золота из ртути...»

– Хватит! – вдруг резко сказал Калиостро. – Экий ты меркантильный, Маргадон... О душе бы подумал!

Маргадон полистал книжечку.

– Мария, – шепотом произнес он.

– Мария, – задумчиво повторил Калиостро. Его взгляд потеплел, он услышал звучание скрипок, нежное и печальное. – Мария...

Мария Гриневская, молодая, чрезвычайно красивая девушка в строгом платье, стояла в кабинете своего отца и со страхом наблюдала за сеансом лечения.

Ее отец, небогатый дворянин Иван Антонович Гриневский, лежал на диване. Возле него сидел Калиостро и делал странные манипуляции руками. Здесь же в кабинете находилась жена Гриневского и Маргадон.

Сеанс подходил к концу. Калиостро стиснул зубы, напрягся, последний раз провел рукой над бледным лбом больного, собрал «энергетическое облачко» и швырнул его в угол. В углу что-то отозвалось легкой вспышкой и исчезло. Жена Гриневского испуганно прекрестилась.

– На сегодня все! – устало сказал Калиостро и встал со стула. – Вам легче, сударь?

– Вроде бы так, – сказал Гриневский. – Отпустило!

Он попытался сесть, улыбнулся, радостно посмотрел на жену и дочь.

– Волшебник! Истинно волшебник! – всплеснула руками жена Гриневского. – Уж как мне вас благодарить?!

– Никак! – сухо прервал ее Калиостро. – Благодарите природу. Она лечит. Я лишь жалкий инструмент в ее руках... – Он посмотрел на больного. – Еще бы несколько сеансов, Иван Антонович, и ваш недуг навсегда бы отступил... Но... – Он сделал паузу. – Но, увы! Дела заставляют меня срочно покинуть Санкт-Петербург...

– Никак нельзя задержаться? – спросила жена Гриневского.

– Увы! Меня ждут Варшава и Париж... Калиостро нужен всюду.

Граф оглянулся на слугу, как бы в подтверждение своих слов, и Маргадон авторитетно кивнул.

– А как же папенька? – тихо спросила Мария и умоляюще посмотрела на Калиостро.

– Не знаю, – вздохнул тот. – Есть один план, но, боюсь, он будет неверно истолкован... Со мной может поехать кто-то из близких больного. Таким образом, я смогу осуществлять лечение опосредованно... Через родного человека.

Жена Гриневского испуганно глянула на мужа:

– Да кто ж у нас есть? Я да... Машенька...

– Ну уж нет! Как можно? – заволновался Гриневский. – Молодая девушка... Одна... В мужском обществе... Никогда!

– Я знал, что буду неверно понят, – сухо сказал Калиостро. – В благородство человеческое уже давно никто не верит! А жаль!

Он взял шляпу и решительно направился к дверям.

– Мария побежала за ним:

– Граф! Господин Калиостро... Подождите! Он не слушал ее, быстро шел коридором. Она догнала его у дверей.

– Подождите!.. Я согласна.

Калиостро обернулся, внимательно посмотрел девушке в глаза.

– А вдруг я лгу? – неожиданно сказал он. – Вдруг я влюблен в вас и мечтаю похитить? А? Что тогда?!

Мария отшатнулась.

– Полно шутить, – тихо сказала она. – Когда любят, тогда видно...

– Что видно?

– Не знаю... Это словами не прояснишь...

– И все-таки? Что? – Калиостро пристально смотрел в глаза девушке. – Что?

Взгляд Марии потеплел, она улыбнулась:

– Неужто ни разу и не чувствовали? Калиостро вздрогнул, потупил глаза...

Стоявший сзади Маргадон деловито достал книжечку, вынул грифель и что-то записал...

Где-то в глуши, в Смоленском уезде, среди холмистых полей, покрытых полосками хлебов и березовыми лесками, стояла старинная усадьба под названием Белый Ключ.

Центром усадьбы был большой каменный дом с колоннами, выходивший к реке и запущенному старому парку. На аллеях парка стояли выцветшие скамейки да несколько пожелтевших и основательно засиженных голубями скульптур в греческом стиле, что свидетельствовало о вкусах его прежних хозяев.

Теперь хозяевами имения были старенькая помещица Федосья Ивановна Федяшева и ее племянник Алексей Федяшев – молодой человек с печальными глазами. Печаль его происходила от мечтательности нрава и склонности к ипохондрии, распространенной среди молодых образованных людей того времени.

Дни свои он проводил в чтении книг и абстрактных рассуждениях. Вот и сейчас, сидя в гостиной с книгой, он вслух прочитал четверостишие:

...Из стран Рождения река
По царству Жизни протекает,
Играет бегом челнока
И в Вечность исчезает...

– Каково сказано? – Алексей посмотрел на Федосью Ивановну, сидевшую напротив и с аппетитом уплетающую лапшу.

– И то верно, – сказала тетушка. – Сходил бы на речку, искупался... Иль окуньков бы половил.

– Вы ничего не поняли, тетушка! – воскликнул Федяшев. – Река жизни утекает в Вечность. При чем тут «окуньки»?

– Думала, ухи хочешь, – сказала Федосья Ивановна. – Ну нет, так нет... И лапша хороша!

– Ох, тетушка! – вздохнул Федяшев. – Мы с вами вроде по-русски говорим, да на разных языках. Я вам про что толкую? Про СМЫСЛ БЫТИЯ! Для чего живет человек на земле? Скажите!

– Да как же так сразу? – смутилась Федосья Ивановна. – И потом – где живет?... Ежели у нас, в Смоленской губернии, это одно... А ежели в Тамбовской – другое...

– Нет! Сие невыносимо! – воскликнул Федяшев, встал и начал расхаживать по комнате.

– Жениться тебе пора! – вздохнула Федосья Ивановна. – Не век же в самом деле на меня, гриба старого, смотреть. Так ведь с тобой что-нибудь скверное сделается.

– Жениться? – Федяшев удивленно посмотрел на тетушку. – Зачем? Да и на ком прикажете?

– Да вот хоть у соседей Свиных – три дочери, все отменные... Сашенька, Машенька, Дашенька... Ну чем не хороши?

– Ах, тетушка. Для того ли я оставил свет, убежал из столицы, чтоб погрязнуть в болоте житейском?... Ну женюсь, и что будет? Стану целыми днями ходить в халате да играть в карты с гостями... – Федяшева даже передернуло. – А жена моя, особа, которая должна служить идеалом любви, будет, гремя ключами, бегать в амбар. А то и... совсем страшно... закажет при мне лапшу и начнет ее кушать?

– Зачем же она непременно лапшу станет кушать, Алексей? – чуть не подавилась тетушка. – Да хоть бы и лапшу... Ну, что тут плохого?

– Нет, миль пардон, Федосья Ивановна! Не об этом я грежу в часы уединения...

– Знаю, о ком ты грезишь! – сказала Федосья Ивановна и обиженно поджала губы. – Срам один! Перед людьми стыдно...

– Это вы... о ком? – настороженно спросил Федяшев.

– О ком! О БАБЕ КАМЕННОЙ, вот о ком!.. Тьфу! – тетушка даже сплюнула. – Уж вся дворня смеется!

– О Боже! – в отчаянии воскликнул Федяшев, и его лицо исказила гримаса страдания. – За мной шпионят? Какая низость... – он схватил шляпу и стремглав выбежал...

В деревенском пруду старый кузнец Степан вместе с дворовой девкой Фимкой ловили сеть карасей. Завидев молодого барина, оставили на время свое занятие, склонились в поклоне.

Федяшев, не обратив на них внимания, быстро прошел мимо.

– Опять с барином ипохондрия сделалась, – сказала Фимка, с сожалением глядя в сторону промчавшегося Федяшева.

– Пора, – сказал Степан. – Ипохондрия всегда на закате делается.

– Отчего же на закате, Степан Степанович?

– От глупых сомнений, – подумав, объяснил Степан. – Глядит человек на солнышко, и начинают его сомнения раздирать: взойдет оно завтра или не взойдет? Ты, Фимка, поди, о сем и не помышляла никогда.

– Когда тут! – кивнула Фимка. – Бегаешь целый день, мотаешься... потом только глаза закроешь – а уж и солнце взошло.

– Вот посему тебе ипохондрия и недоступна. Как говорили латиняне: «Квод лицет йови, нон лицет бови» – «Доступное Юпитеру недоступно быку».

Фимке очень понравилось изречение, и она восхищенно улыбнулась:

– И давно я спросить хотела вас, Степан Степанович... Откуда из вас латынь эта выскакивает? Сами-то вы вроде не из латинцев.

– От барина набрался, – вздохнул Степан. – Старый барин повелел всем мужикам латынь изучать и на ей с им изъясняться. Я, говорит, не желаю ваше невежество слушать...

Я, говорит, желаю думать, что я сейчас в Древнем Риме... Вот так! Большой просветитель был! Порол нещадно! – «Аут ни-гель, аут Цезарь!» Во как!

– Красиво! – согласилась Фимка. – А как у их, у латинцев, к примеру, «любовь» обозначается?

– «Любовь», Фимка, у их слово «амор»! И глазами так зыркнуть... Ух-х! – Степан показал как надо зыркать глазами.

Федяшев, естественно, не слышал этого разговора. Он шел тенистой аллеей парка, где справа и слева белели старинные скульптуры, выполненные в греческом стиле. Мраморные лица с выпуклыми белыми глазами уставились на Алексея Алексеевича, усиливая приступ ипохондрии.

Федяшев дошел в самый конец аллеи, где в лучах заходящего солнца перед ним предстала скульптура молодой женщины в древнегреческой тунике.

Федяшев посмотрел на скульптуру нежным, влюбленным взглядом.

Женщина и вправду была необычайно хороша: изящная фигурка, маленькая головка с тонкими чертами лица, странный всплеск рук: левую женщина как бы предлагала для поцелуя, а правой приглашала куда-то вдаль, в неизвестное...

– Здравствуй, сударыня! – тихо прошептал Федяшев и поклонился мраморной женщине. – И вновь тоска и серость обыденной жизни привела меня к вашим стопам!.. Впрочем, нет! Будь эта жизнь во сто раз веселей и разнообразней, все равно она была бы лишена смысла, ибо нет в ней вас... А в той незримой дали, где есть вы, нет меня!.. Вот в чем превратность судьбы! И никогда нам не воссоединиться, как несоединим жар моего сердца и холод вашего мрамора...

При сих словах Федяшев приподнялся на цыпочки и припал губами к левой руке скульптуры.

Сзади послышался шум и легкое покашливание.

Федяшев резко обернулся и увидел дворовую девку Фимку с тряпкой и ведром, полным мыльной воды.

– Ты что? Зачем? – ахнул Федяшев.

– Барыня велела помыть, – равнодушно сказала Фимка. – А то, говорит, еще заразу какую подцепите...

– Пошла вон! – закричал Федяшев.

В тот же вечер странная картина предстала перед всеми жителями усадьбы.

По главной дороге медленно и торжественно ехала подвода. Лошадь под уздцы вел кучер, рядом шагал Алексей Федяшев, в самой подводе, приветствуя селян кокетливым взмахом рук, стояла мраморная женщина в древнегреческой тунике...

Эта процессия прошествовала двором, подъехала к подъезду главного дома.

Стоявшие у подъезда Степан и Фимка многозначительно переглянулись, а Степан оценил увиденное латинским изречением:

– Центрум квиа импосибиле ест! («Это достоверно, уже хотя бы потому, что невозможно»).

– Степан! – крикнул Федяшев. – Помогите!

Степан подошел к подводе, кучер взвалил статую ему на спину, и Степан понес ее к подъезду, сгибаясь под тяжестью. Наблюдавшие селяне одобрительно загудели, оценивая главным образом физическую силу Степана:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.